

XXV Экономический форум
8-10 сентября 2015
Крыница-Здруй, Польша

Гадкие лебеди

О гибридной войне, сложном мире и
чёрных лебедях над Донбассом

Александр Неклесса

ИНТЕЛРОС – Интеллектуальная Россия
www.intelros.ru

УДК 32(327) + 35(355)

ББК 63.3

Ф 40

Доклад, подготовленный для XXV Экономического форума (Крыница-Здруй, 8-10.09. 2015). Издается в рамках научно-исследовательской программы «Цивилизационные альтернативы мирового развития» Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме Российской Академии наук (при поддержке клуба «Красная площадь»).

Рабочие материалы Комиссии

Александр Неклесса. Гадкие лебеди. О гибридной войне, сложном мире и чёрных лебедях над Донбассом // ИНТЕЛРОС/СИНЛА №3. – Москва: ИНТЕЛРОС–Интеллектуальная Россия, 2015. – 16 с.

Alexander Neklessa. The Ugly Swans. Hybrid war, complex world and black swans over the Donbas // INTELROS/SYNLA №3. – Moscow: INTELROS–Intellectual Russia, 2015. – 16 pp.

Научное издание

Понятие «гибридная война» приобрело известность после присоединения Крыма к России и военных действий на Донбассе. Эти события не только изменили геополитическую карту Европы, но также существенно повлияли на актуальную концепцию войны, ее инструментарий, стратегии безопасности. Доклад, представленный на панели «Гибридная война. Облик конфликтов XXI столетия» на XXV Экономическом форуме (Польша, Крыница-Здруй, 8-10 сентября 2015 г.).

The situation in Ukraine has altered not only the geopolitical map of Europe, but also approaches to warfare and its tools. Understanding hybrid warfare and its mechanisms should be a prerequisite of nowadays security of the EU. Where and what are the roots of a hybrid warfare? How to prepare for it? How it is waged? What tools should be used to win it? As the Ukrainian crisis has proved unconventional or hybrid measures are brought into the field for the implementation and support of certain politics and policies. Hybrid measures not always are identified in the legislation, especially if it refers to the collective security, therefore response can be complicated and protracted. Moreover, hybrid warfare can evolve with the development of technologies. Unconventional military forces, disinformation and propaganda, cyberattacks, energy flow disturbances, economic threats – all of them are used in the hybrid warfare. On the other hand annexation of Crimea, war in Ukraine, radicalization of political regime in Russia create conditions for geopolitical, economical and cultural transformation of structures in Eastern Europe and in some parts of Central Europe. One of the vectors of transformation is the creation of the geopolitical axis "Kiev-Minsk-Vilnius-Warsaw".

© Александр Неклесса, 2015

© ИНТЕЛРОС – Интеллектуальная Россия, 2015

Александр Неклесса

ГАДКИЕ ЛЕБЕДИ

О гибридной войне, сложном мире и чёрных лебедях над Донбассом ¹

Будущее должно быть заложено в настоящем.
Георг Кристоф Лихтенберг

Мы живем «в эпоху перемен», но, кажется, частое повторение тезиса стирает остроту содержания. Наш опыт – социокультурный, экономический, военно-политический – связан с доиндустриальной и индустриальной эпохой. И, несмотря на обилие в новейшей истории разного рода революций, – с иной скоростью социального времени. Где-то, начиная с последней трети XX века, время в человеческом космосе ускоряется, различия множатся, мир обретает новый статус, который сейчас проще определить как «сложный мир». Оpozнание, осознание изменившихся обстоятельств отстает от реальности – как результат, мы попадаем в ловушки неточных карт и дефицита имен для нахлынувшей новизны. Сложный мир предполагает смену типа рефлексии, обновление методологии и прописей познания-действия. Кроме того, сложному обществу требуется сложный субъект, способный к быстрому анализу и комплексному действию.

Сложный мир предполагает смену типа рефлексии: сложному обществу требуется сложный субъект, способный к быстрому анализу и комплексному действию.

Гибридные войны

В XX веке североатлантической цивилизацией была предпринята попытка реализовать три исторических проекта, менявших сложившиеся формулы мироустройства, экономики и безопасности. Деконструкция империй сопровождалась формированием национальных государств (nation-building), суверенитет переходил к нации, корни чего уходят к особенностям понимания в европейской культуре достоинства и прав человека. Отмена таможенных границ вела к образованию глобального рынка товаров, услуг и капиталов как фундамента самоорганизации и развития экономической практики. Стремление утвердить режим международной безопасности подрывало легитимность войн, что должно было обеспечиваться коллективной волей наций и процессом разоружения/ограничения вооружений. Совокупность всех трех проектов представляла модель нового мира, а ее реализация мыслилась апофеозом и концом истории.

Замысел, однако, столкнулся с серьезными препонами: революция масс трансформировала суверенитет нации в управляемый ее частью (партией) авторитарный либо тоталитарный этатизм, деколонизация проявила комплексную неоднородность глобального сообщества, чреватую вырождением культур и конфликтом цивилизаций, а наличие ядерного оружия в распоряжении различных субъектов оказалось препятствием к реализации совокупной воли наций. Вместе с тем ядерный stumble block стимулировал поиск решений в сфере безопасности, продуцируя в числе иных инноваций косвенные и ползучие, локальные и гибридные формы военных действий.

Государства (генеральные субъекты) вели войны по определенным стандартам, предполагавшим автономию гражданской и военной деятельности. В XX веке война стала индустриальным

---

¹ Краткая версия: Александр Неклесса. Черные лебеди над Донбассом // Независимая газета 10.06.2015.

феноменом, сформировались военные (боевые) комплексы, оснащенные высокотехнологичным инструментарием, профессиональные кадры действовали в соответствии с уставами, развивалась логистика все более масштабных операций. Бюрократия занималась регламентацией этих предприятий, заключались международные соглашения, подписывались Женевские конвенции и т.п.

Конечно, множились отклонения от эталона, прежде всего в ситуациях транзита, чаще – революций. А в глобальном масштабе – при столкновении идеологий и культур либо резкой асимметрии сил.² Наиболее распространенные девиации – партизанские действия, скрытое участие иностранных войск и наемников, терроризм, массированное проведение сопутствующих (небоевых) операций. Черты гибридности мы видим в корейской и вьетнамской кампаниях: смешение субъектов действия, участие войск регулярных, иррегулярных, иностранных, явных и закамуфлированных, герильи, гражданских лиц, совмещение экономических, психологических, информационно-пропагандистских мероприятий, демонстрационных действий, провокаций, диверсий. Важный рубеж – изменение соотношения между собственно боевыми действиями и прочими операциями. Вьетнам показал, что война выигрывается не только за счет прямого силового превосходства.

Следующий кейс, Большой Ближний Восток. Здесь множество сюжетов, относящихся к теме: от израильско-палестинских (e.g. черты гибридности в интифаде), афганских, иракских, сирийских сценариев до коллизий, связанных с подвижным, лишенном границ Исламским государством. Или сам по себе феномен симбиотической войны с терроризмом. По мере усложнения ситуаций меняется методология анализа и действия, формулируются инновационные методы управления: матричное, рефлексивное, точечное, аттрактивное (рефлекторный мультипликатор), синергичное и т.д. Системы становятся чересчур многофакторными, многоаспектными, сверхсложными, управлять ими эффективнее извне, т.е. косвенным образом (точнее, комплексно сочетая и дискретно используя прямые и косвенные меры). Так, к примеру, успешность первой иракской кампании была в определенной степени обеспечена ориентацией ее сценария на ментальность лидера противоположной стороны...

Гибридная война — это сумма силовых, форсированных действий вкупе с разнообразными средствами, расширяющих возможности конвенциональной политики и применяемых с целью деконструкции нежелательных обстоятельств, подчинения либо деструкции противника.

Существует много дефиниций гибридной войны, разные авторитеты определяют ее по-своему. Вот характерное мнение Валерия Герасимова, начальника Генштаба России: «В XXI веке наметилась тенденция к стиранию границ между миром и войной. Войны уже не объявляются официально, и больше не следуют установленным правилам». Гибридная война – это элемент общей трансформации категории безопасности в новую эпоху, включая диверсификацию института войны и коррекцию военных действий эпохи индустриализма как процесса массированной технологической деструкции. Для достижения важных, но неприемлемых для оппонентов целей используется координация активных агрессивных действий в широком диапазоне и различными средствами, включая военные, но используемые преимущественно

² Культура, пытаясь воцарить гармонию и взнуздывать хаос, способствует просветлению, рефлексии и нормотворчеству, облегчающим экзистенцию. Война обнажает и углубляет трагизм жизни, погружая в серьезность, риск и ответственность. Диверсанты, переодетые в гражданскую одежду, считались отбросами войны, преступившими ее суровые законы, провоцируя к тому же репрессии против населения; их предавали позорной казни. А зазубренный меч во времена Средневековья был основанием для казни на поле боя. Война содержит злой парадокс – это деструкция, опровергающая цивилизацию, пена отчаяния – отлив, открывающий человеческое дно, питаемая гекатомбами антиистория... Но одновременно могучий стимул технического прогресса. Что же такое модернизация оружия и коррекция военных искусств: доблестный порок, скрипящая ступень эволюции или легитимное зло?

косвенным образом при сохранении сложившейся оболочки внешних связей и режима глобальной безопасности. В сухом остатке гибридная война – это сумма неопределенных по принадлежности, неатрибутированных силовых, форсированных акций вкупе с разнообразными инструментами, расширяющих возможности конвенциональной политики и применяемых с целью деконструкции нежелательных обстоятельств, подчинения либо деструкции противника.

Усложнение пространства военных операций указывает на императив интеллекта и проблематизацию темы. Характер войны находится в зависимости от уровня социального развития, типа политической организации, антропологических возможностей, технического совершенства применяемых средств. В условиях трансформации миропорядка и глобальной критичности существенно меняются понимание доминирования, инструменты господства, способы проекции силы. Господство реализует себя в управлении, общий контроль над ситуацией и «культурная оккупация» замещают оккупацию территорий. Постсовременные конфликты софистицированы – они имеют комплексную природу, противник может не объявлять прямо о собственно военных интенциях, интегрируя в многообразных комбинациях не только широкий спектр средств, но и достаточно разнородные цели различных субъектов прямого и косвенного действия. Иначе говоря, «вместо отдельных врагов, использующих разные методы войны – традиционные, нерегулярные или террористические – мы можем столкнуться с противником, который будет применять все формы и тактики войны одновременно» (Френсис Хоффман). И более того – подавлять оппонента мультипликацией прокси-персонажей, осознанной синектрией горизонтов и рубежей.

«В XXI веке наметилась тенденция к стиранию границ между миром и войной. Войны уже не объявляются официально, и больше не следуют установленным правилам». Валерий Герасимов, начальник Генштаба России.

Постсовременная война – отражение кризиса коммуникации. Деструктивные инициативы и обновляющиеся компоненты гибридной войны – следствие транзитной ситуации (rite of passage), ее осознание, освоение арсенала возможностей в условиях, когда прежние категории/регуляции утрачивают актуальность и релевантность. Военные интерпретации соперничества обостряют реальность и отчасти предвзвешивают ее: опыт взаимодействия с экстремальными обстоятельствами способствует опознанию настоящего облика настоящего, инновационному порыву, социальному и технологическому новаторству, лидерству в прорыве горизонта. В освобожденном от прежних норм космосе тенденция доминирует над фактом, процессуальность над феноменологией, а театр прямых и косвенных действий обретает глобальные пропорции.³

Параллельно растет значение нетривиальных активов, заметно стремление к координации разнородных сил и быстрой мобилизации средств, адаптации к меняющимся условиям, управлению графиком событий, подвижному властно-правовому консенсусу, наличию и демонстрации моральной силы. Это, по сути, венчурный поиск эффективности, реализация способов метаполитической агрессии как следствие манипуляций – в облачном пространстве между истиной и ее интерпретациями – правовыми, гуманитарными, иными регламентами. И одновременно как результат овладения новыми инструментами, технологиями, их высокой результативности, доступности различным, в том числе негосударственным субъектам, включая гражданских лиц.

Еще одна черта постсовременных/гибридных войн – возврат к особенностям и характеристикам войн в позднефеодальной Европе, сопровождавшихся интенсивной дипломатической, переговорной, закулисной активностью между сторонами. Война не доводится до, казалось бы, логического конца, «зависает» на продолжительные периоды, не завершается явной победой, капитуляцией, и порой способна развоплотиться без четкой фиксации итогов.

³ Статус и содержание методологической позиции неклассического/синергийного оператора по отношению к самоорганизующейся критичности («извне-и-сверху») можно представить также в виде формулы: *факт выше суждения, тенденция выше факта.*

Гибридная война – амортизатор использования собственных средств и регулярных вооруженных сил в полном объеме возможностей. Но этот тезис двусмыслен, реализация – асимметрична: многое зависит от достигнутого государством уровня сложности, финансовой и когнитивной мускулатуры. Иначе говоря, у каждой цивилизационной страты своя формула и навигация гибридной войны: ценности и возможности более высокого регистра находятся вне компетенции более низкого. Обилие конвенциональных средств – экономических, финансовых, информационных, доступных развитому организму, позволяет достигать критические цели иными способами, нежели традиционные формы использования войск или прямая угроза их применения. Кроме того, ряд функций и задач могут передаваться различным и многочисленным контрагентам на аутсорсинг. С другой стороны, гибридная война расплывает и сдерживает силы противника, зажатого узостью интеллектуального кругозора, рамками внешних и внутренних рестрикций, затрудняет свободу действия, снижая эффект от применения им собственно военных сил и средств, а массированное участие гражданских лиц (pop-war fest-simulation) создает сложные ситуации (e.g. статус военных корреспондентов при новом типе военных операций). Это не та война, которая для российской психеи служит точкой отсчета (т.е. чревата фрустрацией и аномией).

Архетип «войны» в российской ментальности – «Великая Отечественная» (хотя уже тогда на театрах мировой войны были видны различия в кодах боевых действий, ведущихся на основе «законов войны» и «тотальной борьбы», исходящей из идеологических установок). Но с тех пор имела место синтетическая, однако же не интегрированная в сознании Холодная война – трансляционная, т.е. учитывавшая наличие и возможность применения ракетно-ядерных вооружений. Наличие «оружия Судного дня» предопределило и стимулировало поиск инновационных прямых и косвенных средств господства, создавая распределенное множество локальных («африканских») и ползучих конфликтов, прочих деструктивных операций и активных мероприятий, используя коррупционные акции, дискредитацию политиков, форсированное манипулирование общественным мнением – и все это при формальном неучастии или ограниченном участии регулярных вооруженных сил с той либо другой стороны.⁴

Агрессивные действия сегодня могут реализовываться не только в физическом измерении, но также в финансовых, информационных, коммуникационных сетях, вестись с помощью экономических угроз, кибератак, радиоэлектронных манипуляций, инновационных управленческих методов и психологических инструментов, применяемых в интеллектуальных, творческих, антропологических средах. Рождаются феномен диффузных войн, расплывчатых конфликтов, т.е. происходит умножение и диффузия временных/пространственных границ, субъектов и объектов, средств силовых акций и методов боевых действий. Множественность возможностей и способов их интерпретации нарушают внятность мировой картины. Конфликт может развиваться по самостоятельному сценарию параллельно с трансляцией симулякра как мирных, так и brutальных композиций: лукавый спектакль эпохи постмодерна. Моделируя предельные ситуации, отчасти с акцентом на будущее, можно, образно говоря, победить страну, а она либо внезапно очнется, либо об этом узнает «только на следующий день».

В какой-то мере Украина оказалась частью нового пространства операций, его очередным историческим полигоном.

---

⁴ Гибридные, сетевые, нелинейные, ползучие войны, мятеж-войны, прокси-войны, дисперсные паравойны с участием обезличенных войск, криптоармий, частных армий, комбатантов, инсургентов, эскадронов смерти, разведывательных/интеллектуальных корпораций сегодня стали горячей темой, но это не означает, что феномен не был своевременно замечен и осмыслен. «В условиях начавшейся войны всех против всех следует ожидать возникновения многослойной всепланетарной системы, состоящей из национальных и религиозных, классовых и возрастных структур уничтожения людей. В наше время неприменима прежняя классификация войн: мировая, региональная, локальная и вооруженный конфликт. Война теперь другая; для уничтожения противника широко используются не прямые действия, информационное противоборство, участие наряду с регулярными также нерегулярных вооруженных формирований». Е.Э. Месснер. Мятеж – имя третьей всемирной. – Буэнос-Айрес, 1960.

Украинский разлом

Здесь, как и в предыдущем сюжете, нужно учитывать генетику явления, его основания, в то время как львиная доля внимания уделяется конъюнктурным факторам, т.е. не «почему вообще», а «почему сейчас».

Я бы выделил следующие «долгоиграющие» аспекты проблемы. В прошлом веке разрушались имперские организмы — сначала континентальные: Российская, Австро-Венгерская, Османская империи. Затем начали рассыпаться морские империи: британская, французская, испанская, португальская... т.е. развивался процесс, получивший со временем определение «деколонизация», порождавший национальные государства. Для континентальных империй процедура была прописана после первой мировой войны Парижской мирной конференцией и последующими договорами, породившими плеяду постимперских национальных государств и подмандатных территорий, причем не только в Европе.⁵ А для империй «морских», несколько позднее, после второй мировой – регламентами и резолюциями ООН.

Если посмотреть на историю взаимоотношений Украины и России в данном ключе, используя для анамнеза и прогноза искусство аналогий, то наиболее яркий пример, наверное, – перипетии обретения независимости Ирландией с ворохом сопутствующих обстоятельств. Или, отчасти, траектория отношений Хорватии и Сербии. Аналогии также можно найти не только в Европе и не только в прошлом веке, присмотревшись, скажем, к судьбе испанских территорий в Латинской Америке (не случайно в свое время Семен Петлюра изменил свое имя на Симон именно ради аналогии с Симоном Боливаром). Или даже припомнить еще более ранние коллизии Великобритании с устремленными к независимости США. Разные ситуации, с разными историческими маршрутами, но вызывающие ассоциации, реминисценции, имеющие определенный инвариант и служащие историческим уроком.

Другой конфликтный аспект российско-украинских связей – это культурный дифференциал и проистекающая из него возможность столкновения культур. Цивилизационный разлом в данном случае не столько конфессиональное пограничье, сколько социальное различие. Рубеж был прочерчен, скорее, в соответствии с политической культурой городского самоуправления, а не ареалами конфессий; цивилизационная граница – северо-восточный рубеж распространения городов, управлявшихся в соответствии с магдебургским правом (юго-запад Российской империи до Смоленска, включая его, т.е. практически «по Днепру»). И еще оригинальная полковая культура самоуправления в Гетманщине, вся совокупность традиций военного сообщества Запорожской Сечи, имевших широкое распространение в регионе. В империи же с подавляющим преобладанием сельского населения⁶ существовал дефицит практики самоуправления, в том числе муниципальной власти, формируемой горожанами (т.е. гражданами, бюргерами, буржуа).

Если посмотреть на историю взаимоотношений Украины и России, используя искусство аналогий, то наиболее яркий пример, наверное, – перипетии обретения независимости Ирландией.

Следует учитывать относительно меньшее, хотя и форсированное, присутствие крепостничества на украинских землях, его иные исторические сроки, географию. Распространенное до времени преимущественно в центральных областях империи «крепостничество» было по сути стыдливым именованьем рабовладения, т.е. открытой торговлей соотечественниками оптом и в розницу, искажавшей человеческую природу как рабов, так и их хозяев. Сыграло свою роль обитание

⁵ Россию как страну, не принадлежавшую к Центральным державам (Четверному союзу), эти решения, практически, не затронули, но в силу иных обстоятельств тогда же от нее отпали Польша, Финляндия, Балтийские государства. Примерно в те же годы ограниченный государственный суверенитет обретает Ирландия (статус доминиона, 1921 г.).

⁶ Значительная часть этого населения, лишенная элементарных прав, не являлась субъектами с точки зрения закона, будучи объектами имущественных и хозяйственных отношений.

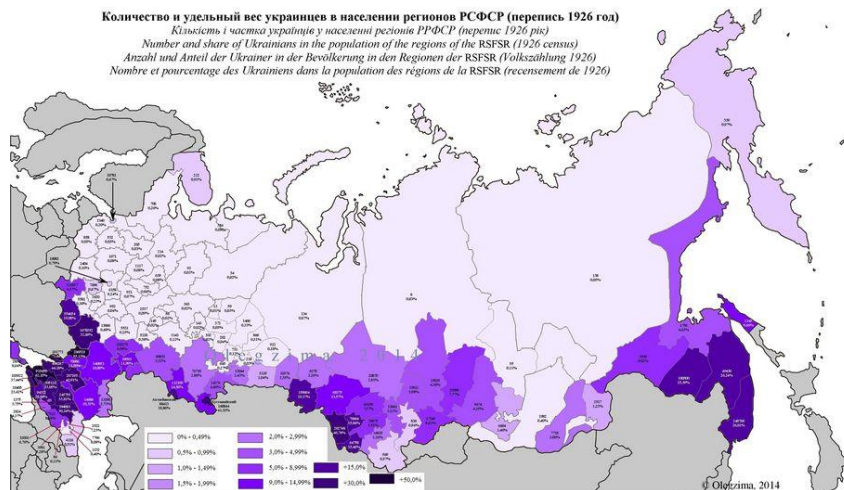
украинской громады – наследников Древнерусского государства (Киевской Руси), Русского королевства (Галицко-Волинского княжества), отчасти Великого княжества Литовского, Руского, Жомойтского, Гетманщины и Слобожанщины – на территориях разных государств, предопределив ее социальную и культурную диверсифицированность, создав несколько уровней и типов национального домостроительства.

Если украинская социокультурная идентичность в определенной степени это ментальность хуторянина, козака, шляхтича, гражданина-горожанина, коллективно отстаивавших конфессиональную-языковую-национальную самостийность (менявшие культурный код растворялись в соседних народах), то ментальность имперского индивида в своей основе – идентичность подданного российского межнационального государства (*господарства*), слуги империи, стремительно расширявшейся и вбиравшей народы на евразийских просторах. Общей же проблемой были индивидуация и элитогенез, подавленные, помимо универсального крепостнического уклада, системным патернализмом; в частности, поэтому опыт домостроительства украинского общества и попыток трансформации государственности – несмотря на очевидные и неочевидные различия – наиболее интересен и ценен именно для России. Кроме того, если Петербург (отчасти новгородская реминисценция) представлялся «окном в Европу», то «дверь» – как, кстати, и мыслилось в допетровском веке – это Украина, европейский балансир империи (что было обостренно осознано в 1991-ом году).

XX век привнес на земли империи центробежную идею строительства политических наций, однако коммунистический эксперимент запустил процесс обновления формулы интеграции стран и народов с Россией. (Апофеозом сюжета была, пожалуй, высказанная Мао идея присоединения к СССР Китая, открывавшая в случае ее реализации совершенно иные футуристические и геополитические горизонты, хотя и не без определенных исторических реминисценций.) Крах советского коммунистического эксперимента завершил процесс, предопределив трансгрессию.

Специфика Украины заключается также в трагичности ее истории.⁷ Страна располагалась на путях переселения народов, перекрестке культур и конфессий, унии и руины, политических

Количество и удельный вес украинцев в населении регионов РСФСР (перепись 1926 год)
 Кількість і частка українців у населенні регіонів РРФСР (перепис 1926 рік)
 Number and share of Ukrainians in the population of the regions of the RSFSR (1926 census)
 Anzahl und Anteil der Ukrainer in der Bevölkerung in den Regionen der RSFSR (Völkzählung 1926)
 Nombre et pourcentage des Ukrainiens dans la population des régions de la RSFSR (recensement de 1926)

проектов и социальных катаклизмов, слишком часто пребывая в горниле интервенций, мятежей, войн, оккупаций. Народ утрачивал суверенность, разделялся границами, переселялся – вольно и невольно – на Кубань, в Сибирь, на Дальний Восток, элита разъезжалась по иным национальным квартирам на Запад и Восток, Юг и Север, нередко теряя или

сознательно меняя идентичность. Соборное единство было обретено на короткий срок в 1919 году с объединением Украинской народной республики и Западно-Украинской, но культурные различия частей ощутимы вплоть до настоящего времени.

Трагична история и советского периода, прежде всего катастрофа Голодомора, выкосившая Восточную Украину (как бы ни подсчитывали число жертв – во всех версиях оно чудовищно). Одним из следствий чего было переселение некоторого числа жителей центральной России в эти земли. А затем воследовали военные и послевоенные «страсти по Украине». В сумме эти факторы предопределили настойчивое стремление к суверенности и европейский выбор

⁷ Трагичность исторического сознания отражена в гимне страны, констатирующем (с характерным акцентом «от первого лица») сложность ее судьбы и возлагающем надежды на будущее.

Украины. Можно, конечно, обсуждать, почему радикальный перелом произошел именно сейчас, но, в принципе, долгосрочная тенденция была очевидна... Особенностью же момента – чему способствовала и нынешняя «отложенная война» – стал сдвиг от этнического национализма к политическому, а также необходимость обсуждать в практическом залоге тему децентрализации/федерализации Украины, что может со временем иметь серьезные последствия (включая не слишком очевидные сегодня) и для России.

Актуальный вопрос украинской ситуации – возможность возобновления горячей фазы военного конфликта. Если сравнивать с прошлым годом, то угроза перерастания в полномасштабную войну снизились. Максимальная вероятность попытки восстановления прежнего режима на всей территории (наряду с шансом на сокращенную версию реставрации по образцу «Республики Сало») и массированного ввода российских войск, в том числе в виде миротворческих, была, пожалуй, в конце апреля прошлого года.⁸ Иначе говоря, в период транзита власти, т.е. до майских президентских выборов. Перспектива активных боевых действий на территории Украины, конечно, существует и сейчас, однако все более значимым становится другой аспект ситуации – накапливающиеся в ходе боевых действий низкой интенсивности деструктивные следствия и генезис «черных лебедей», вылетающих из этого гнезда (вспомним катастрофу малазийского лайнера). В питательной среде подобных коллизий – зародыши разновекторных событий, сумма которых непредсказуема.

На территории Европы, фактически, образуется «травматическая инклюзия», отчасти напоминающая деструктивные образования на других континентах планеты: неконтролируемые или слабо контролируемые законом и цивилизацией территории, с властью и населением, не слишком склонными к рациональному поведению, но обладающими современным военно-техническим инструментарием. И, в числе прочих особенностей, являющиеся актуальными либо потенциальными «гнездами черных лебедей».⁹

Произрастание подобных анклавов в теле цивилизации может прочитываться как признак разложения массового общества, призрак его неоархаизации. А в некотором футур-историческом пределе – как часть внутреннего демонтажа мировоззренческих основ Модернити либо как симптом общей варваризации, подрыв правовых регуляций современной цивилизации эклектичным Не-Западом.¹⁰ При этом постсовременная реконструкция может иметь не только ползучие формы, но проявиться в виде острой системной дестабилизации, создавая хаос, которого история еще не знала.

Сумма характерных черт достаточно разных, но типологически схожих инклюзий (наиболее яркий на сегодняшний день пример – Исламское государство): политическое противоборство конфликтующих полевых командиров; инволюция к этно/конфессионально ориентированным городам-государствам и дробящимся социокультурным сообществам (антропо-социальным

⁸ Если не считать нереализованный сценарий призывания России Януковичем с трибуны Харьковского съезда.

⁹ А.И. Неклесса. Сердце тьмы: травматическая инклюзия // Актуальные проблемы экономики и права. – 2015, №2. – С.280-295.

¹⁰ «До конца XX столетия концепция истории уходила корнями в европейскую модель государственной политики, определявшейся националистическими ценностями и символикой. Наступающая эпоха будет во все большей мере характеризоваться азиатской моделью государственной политики, базирующейся на экономических ценностях, которые предполагают в качестве основного принципа использование знаний для получения максимальной выгоды». Шимон Перес. Новый Ближний Восток. – М., 1994. – С.188. См. e.g. интерпретацию транскультурного dominus Не-Запада посредством единения общим мирным и военным делом в фильме Даниэля Ли «Меч Дракона» (2015), характерном для этой версии мировидения.

структурам); перманентное ведение гибридных боевых действий различной интенсивности, при несоблюдении «законов войны» и неразборчивости в отношении атакуемых целей и применяемых средств, включая средства с непредсказуемым результатом, участие несовершеннолетних в военизированных подразделениях, заложничество; зыбкие, подвижные границы контролируемых территорий; трофейная экономика как основа жизнедеятельности; криминализация, наркотрафик, контрабанда, торговля людьми и оружием, коррупция; беженцы и переселенцы; постмодернистское/фундаменталистское прочтение культуры/конфессии, различного рода рестрикции, системное нарушение прав человека, психологическая и санитарно-эпидемиологическая дестабилизация, культурная инверсия, цивилизационная деградация, социальная неоархаизация; антропологический пылесос, действующий как внутри территорий, аккумулируя в них представителей специфических сообществ извне, так и в реверсном режиме, экспортируя социальный травматизм и аксиологический кризис.¹¹

На территории Европы, фактически, образуется «травматическая инклязия», напоминающая аналогичные деструктивные образования на других континентах планеты.

Иначе говоря, независимо от характера деклараций, возникает пульсирующая опухоль, которая может превратиться в разъедающую политическое тело язву «сомализации» и которую проблематично даже со временем полностью исцелить.¹² В такие «пузыри земли» притягиваются специфические люди – вырабатывается своеобразный военный алкоголизм, который не проходит с годами...

Что же касается общеевропейской ситуации, то она изменилась кардинально. Пошатнулся правовой миропорядок – конструкция мировых связей, семантика государственной и общественной дипломатии, основанная на соблюдении подписанных, утвержденных и подтвержденных международных договоров, признанных этими договорами границ, режиме общей и ядерной безопасности, ответственном поведении в рамках «большого политического консенсуса». Причем домино процесса лишь начинается, вопрос как далеко он пойдет. На очередном этапе могут обнаружиться сбои в работе международных организаций, в действенности различного рода соглашений, исполнении решений международных органов, т.к. их авторитет и дееспособность скомпрометированы. Россия предъявила миру эскиз миропорядка, основанного на иных принципах взаимоотношений государств и сообществ.

Поиски выхода

Поскольку мы живем в глобальном, но культурно неоднородном мире для разрядки серьезных напряжений необходимы международные переговоры: многосторонние и двусторонние, другие меры политического характера.

События на юго-востоке Украины – международная проблема и минские договоренности сбили военный накал. Рецепт эволюционного маршрута ОРЛДО («ДНР-ЛНР») – реабилитация правопорядка, восстановление режима российско-украинской границы, социальная, политическая, экономическая терапия населения и региона. Но санация сама по себе непростой

¹¹ Обзор ситуации в «ДНР-ЛНР» см.: Владимир Дергачев, Дмитрий Кириллов. Добро пожаловать в ад // Газета.ру. Адрес в интернете: http://www.gazeta.ru/politics/2015/06/18_a_6846469.shtml (22.06.2015).

¹² «Самое большее, что нас беспокоит именно сейчас – преступления против человечности <...>. Преступления эти имеют конкретные названия. Первое – расстрелы и пытки людей, независимо от того, с какой стороны они захвачены. Второе – работорговля, особенно украинским женщинами, которые остались в Донецкой и Луганской области. Это одно из самых опасных пока преступлений. И в этом им способствуют всевозможные подручные и наемники из Осетии и других восточных регионов России. Работорговля дошла до Китая. Кроме того, торговля оружием, взрывчаткой, незаконное попадание через захваченную Россией и российскими войсками украинскую границу. Настоящую границу, международную <...> это ужасное звериное лицо черной дыры под названием Новороссия». Адрес: http://lb.ua/news/2015/06/16/308384_valentin_nalivaychenko_voni.html.

процесс даже при наличии политической воли, тем более в условиях гибридной войны, т.е. продолжения агрессивной политики как бы «мирными средствами». Частичная инициация умиротворения ожидаемо подтвердила наличие проблем и с полевыми командирами, и с фиксацией пограничного режима, и со статусом населения. Конечно, чтобы реально снизить градус конфликта, необходим барьер насыщению территорий Донбасса оружием и людьми; в числе вариантов решения задачи выдвигалось использование миротворческого контингента ООН, что является достаточно стандартной процедурой.

Пошатнулся правовой миропорядок – конструкция мировых связей, основанная на соблюдении подписанных, утвержденных и подтвержденных международных договоров, признанных этими договорами границ, режим общей и ядерной безопасности.

Мир, однако, уже «взят от земли», а ловушка Крыма сохраняет свойства цугцванга, изменение общего стратегического баланса произошло, и ряд существенных позиций Москва утратила: это не только членство в Большой семерке и т.п., но, к примеру, подорвана многоплановая концепция «русского (руського) мира», которая была актуальна и перспективна как горизонт и параметр оригинальной социокультурной гравитации. Однако «на вооружение» был принят ее крайне неплодотворный и неперспективный извод, отразивший мышление в категориях геополитики и запустивший процесс исторических, цивилизационных связей в реверсном режиме. В результате для России этот поезд, кажется, ушел; в актуальной повестке региона, исправляя и взыскивая «грехи Версаля», исторический баланс сдвинут в сторону ягеллонской идеи и прометеизма, а в геополитическом ландшафте проступает контур современной версии «Республики Трех Народов»¹³ или даже более широкой конфигурации в стиле Балто-Черноморского Междуморья (т.е. «плана Пилсудского»¹⁴), дополненного заморскими партнерами по ГУАМ.

Парадоксальным, на первый взгляд, образом – по крайней мере с позиций стратегов данной комбинации – то, против чего кампания вроде бы затевалась, было именно ею ускорено и воплощено. В результате действия России, инициированные опасениями в отношении союза Украины-НАТО и попыткой сдержать сближение Украины с ЕС привели к стремительной модификации европейской геостратегической архитектуры. Сегодня мы наблюдаем контур «Европейского вала»/«Стены» на месте былинных «Змиевых валов», обретение североатлантическим альянсом второго дыхания и упрочение позиций США в Европе, размещение инструментария блока на постсоветском пространстве непосредственно у границ с Россией, возрождение Восточного партнерства, развитие и укрепление связей постсоветских стран с ЕС, многомиллиардное финансирование европейского вектора Украины, причем в условиях, когда сам Европейский Союз находится в сложной

¹³ «Республика Трёх Народов», т.е. поляков, литвинов (литовцев и белорусов) и русинов/козачества (украинцев того времени) – современное образное название политического проекта XVII века, имевшего целью превращение конфедерации Королевства Польского и Великого княжества Литовского в триединое государство, в результате конституирования Великого княжества Русского на русских землях Королевства Польского. Согласно статьям Гадячского договора (1658 г.) Великое княжество Русское в составе Киевского, Черниговского и Брацлавского воеводств должно было стать третьим участником унии. Однако договор был принят сеймом в урезанном виде, и проект не был реализован. Идея вновь возникла в начале 60-х гг. позапрошлого века (символический update Городельской унии в 1861 г.) накануне восстания 1863 г., что отразилось в композиции герба Народного собрания.

¹⁴ Проект конфедеративного государства от Чёрного и Адриатического морей до Балтийского, выдвинутый после Первой мировой войны Юзефом Пилсудским. Конфедерация включала бы Польшу, Украину, Белоруссию, Молдавию, Чехословакию, Венгрию, Румынию, Югославию, Литву, Латвию, Эстонию и, возможно, Финляндию. Союз новообразованных государств мыслился как контрмера по отношению к вероятному доминированию в регионе Германии и России.

экономической ситуации. Но главное, произошли качественные изменения в ментальности, включая отношение к России. И не только в Украине.

Сегодня мы наблюдаем контур «Европейского вала» («Стены») на месте бывших «Змиевых валов», обретение североатлантическим блоком «второго дыхания» и упрочение позиций США в Европе, возрождение «Восточного партнерства» и развитие связей постсоветских стран с ЕС.

Что же касается понимания украинских обстоятельств, необходимы, кроме прочего, их проблематизация и конструктивно модерлируемые (не дирижируемые) обсуждения, в том числе публичные дискуссии (с декриминализацией темы Крыма), раздвигающие смысловые рамки и лишённые идеологического табуирования: национальная ответственность превосходит групповые («партийные») интересы, а обстоятельства касаются не только судьбы Украины. Также давно назрела необходимость детоксикации СМИ, особенно телевидения (в современной России – субститут социального смыслового каркаса и национальной идеологии). Это не столько даже вопрос качества представления событий, происходящих в Украине, сколько императив психологической ситуации в России: в той политике, которую средства массовой информации сейчас осуществляют, видится определенная угроза национального масштаба, связанная с формированием пространства ненависти и слабой обратимостью массовых психологических деструкций, чреватых ползучей эпидемией действий. Реабилитация населения, исцеление культурных разрывов, деформаций требует длительного времени и заметно больших усилий, нежели их производство.

Суммарная оценка ситуации серьезна: судя по ошибкам, совершенным и совершаемым, ощутим примат оперативно-тактического мышления над стратегическим, нет должного понимания

исторических основ и комплексных следствий развития событий. Складывается впечатление, что цели формируются в мистифицированном пространстве, актуальное положение прочитывается с помощью композиций, взятых из прошлого, а обретаемый результат страдает от избытка мифотворчества. Речь, по сути, идет о глубоком кризисе систем госуправления, упрощение, выхолащивание которых стартовало еще в начале 90-х, когда страх перед вызовами сложного общества с непростой системой координат, инстинктивная тяга к обманчивой

эффективности властной вертикали проявились в уничтожении двоевластия (третья, судебная ветвь власти, ни тогда, ни впоследствии в стране так и не сформировалась). В результате были сняты сдерживавшие волюнтаризм механизмы, что очень скоро предопределило каскад негативных событий: войну с Чечней, залоговые аукционы, фальсификацию выборов и т.д.

В чем же уроки украинского сюжета? Ответ на вопрос – актуальная повестка не только украинской или российской ситуации, тут уместно вспомнить о других вызовах и криптограммах сложного мира: подвижной реальности Исламского государства, трагическом исходе с Юга и европейских опасениях «синдрома Франкенштейна» (полифуркации федеративного и миграционного статусов), пертурбациях мировой энергетики, прочих ловушках комплексной дисгармонии. В глобальном обществе при определенных обстоятельствах локальные или региональные кризисы могут приводить к каскадно развивающимся процессам универсального толка, завершаясь радикальными изменениями или, не исключено, разрушением системы.¹⁵ Сегодня событийные траектории очевидно сопряжены с критическими

¹⁵ Речь, по сути, идет о представлении предельного состояния истории как своего рода «социального фазового пространства».

обстоятельствами – совершаемые действия способны вызывать цепную реакцию, затрагивающую не только чувствительные элементы, но саму будущность глобальной системы.

В глобальном обществе при определенных обстоятельствах локальные или региональные кризисы могут приводить к каскадно развивающимся процессам, завершаясь радикальными изменениями всей системы или, не исключено, ее разрушением.

Процессы, разворачивающиеся в новом сложном мире, требуют качественного обновления методов анализа и действия. Поколение технологий, настроенных на управление социальной и политической мобильностью в комплексных обстоятельствах, претендует на достижение позитивных эффектов в ситуациях критической неопределенности, а в перспективе – на продуцирование из возникающих турбулентностей желаемых форм организации. Стремясь выжить в эпоху перемен, ригидные структуры умножают и развивают охранительные механизмы, в то время как высокоадаптивные организмы делают ставку на самоорганизацию.¹⁶ При резком возрастании скорости и серьезном умножении факторов самоорганизация успешно конкурирует с управлением. Реконфигурация, как и обвал, происходит стремительно. Вспомним знаменитый эффект бабочки, взмах крыльев которой где-нибудь в Индонезии может при странном стечении обстоятельств спровоцировать обвал акций на Уолл-стрите. Сбой же в системе безопасности, договорных отношений и международных связей способен привести к созданию на планете множества гнезд черных лебедей, откуда эти тревожные птицы – предвестники иного мира – начинают вылетать одна за другой.

ПРИЛОЖЕНИЕ

12 ТЕЗИСОВ О ГИБРИДНОЙ ВОЙНЕ

1. Сложный мир – новые конструкты

Мир обретает новый статус, который сейчас проще определить как «сложный мир». Наш опыт – социокультурный, экономический, военно-политический – связан с доиндустриальной и индустриальной эпохой.

Сложный мир предполагает смену типа рефлексии, обновление методологии и прописей познания-действия.

2. XX век - три проекта

В XX веке североатлантической цивилизацией была предпринята попытка реализовать три исторических проекта, менявших сложившиеся формулы мироустройства (национальное государство), экономики (глобальный свободный рынок) и безопасности (исключение суверенных войн). Совокупность всех трех проектов представляла модель нового мира, а ее реализация мыслилась апофеозом и концом истории.

3. Комплексный мир vs. индустриальный

Государства вели войны по определенным стандартам, предполагавшим автономию гражданской и военной деятельности. В XX веке война стала индустриальным феноменом.

¹⁶ А.И. Неклесса. Мировой транзит: от критических технологий к сложной практике // Актуальные проблемы экономики и права. – 2015, №1. – С. 93-107.

4. Ядерная препона

Ядерный stumble block стимулировал поиск инновационных решений в сфере безопасности, продуцируя ползучие, локальные, смешанные (гибридные) формы агрессивных, силовых, военных действий, используя прямые и косвенные средства господства, создавая на планете распределенное множество локальных («африканских») и ползучих конфликтов, умножая формы деструктивных операций и активных мероприятий: дискредитацию политиков, коррупционные акции, форсированное манипулирование общественным мнением при формальном неучастии либо ограниченном участии регулярных вооруженных сил с той или другой стороны.

5. Усложнение пространства военных операций

Важный рубеж – изменение соотношения между собственно боевыми действиями и прочими операциями, актуализация военно-гражданских средств господства. Вьетнам показал, что война выигрывается не только за счет прямого силового превосходства (e.g. наступление Тет). Ближний Восток: интифада, эклектичные союзы (ср. действия против ИГИЛ).

6. Новая методология анализа и действия

По мере усложнения ситуаций меняется методология анализа и действия, формулируются инновационные методы управления: матричное, рефлексивное, точечное, аттрактивное (рефлекторный мультипликатор), синергичное и т.д.

Системы становятся многофакторными, многоаспектными, сверхсложными, управлять ими эффективнее извне, т.е. косвенным образом, точнее, комплексно сочетая и прямые и косвенные меры (e.g. успешность первой иракской кампании была в определенной степени обеспечена ориентацией ее сценария на ментальность лидера противоположной стороны).

7. Войны без формализации их статуса

Существует много дефиниций гибридной войны, разные авторитеты определяют ее по-своему. Вот характерное мнение Валерия Герасимова, начальника Генштаба России: «В XXI веке наметилась тенденция к стиранию границ между миром и войной. Войны уже не объявляются официально, и больше не следуют установленным правилам».

8. Гибридные войны – элемент комплексной трансформации категории безопасности

Гибридная война – элемент общей трансформации категории безопасности, включая перепрочтение и диверсификацию института войны и коррекцию военных действий эпохи индустриализма как процесса массивной технологической деструкции.

Для достижения важных, но неприемлемых для оппонентов целей используется координация прямых и косвенных мер, включая военные, однако используемые преимущественно косвенным образом при сохранении сложившейся оболочки внешних связей и режима глобальной безопасности.

В сухом остатке гибридная война – это сумма неопределенных по принадлежности, неатрибутированных силовых, форсированных агрессивных действий в широком диапазоне, вкуче с разнообразными инструментами, расширяющих возможности конвенциональной политики и применяемых с целью деконструкции нежелательных обстоятельств, подчинения либо деструкции противника.

Кроме того, ряд функций и задач могут передаваться различным и многочисленным контрагентам на аутсорсинг.

9. Сравнение с позднефеодальными войнами

Еще одна черта постсовременных/гибридных войн – возврат к особенностям и характеристикам войн в позднефеодальной Европе, сопровождавшихся интенсивной дипломатической, переговорной, закулисной активностью между сторонами.

Война не доводится до, казалось бы, логического конца, «зависает» на продолжительные периоды, не завершается явной победой, капитуляцией, и порой способна развоплотиться без четкой фиксации итогов.

10. Пропорция интеллекта

Усложнение пространства военных операций указывает на императив интеллекта.

Растет значение нетривиальных активов, заметно стремление к координации разнородных сил, быстрой мобилизации средств, адаптации к меняющимся условиям, управлению графиком событий, подвижному властно-правовому консенсусу, наличию и демонстрации моральной силы.

Это также использование интеллектуальных высокотехнологических систем (е.g. «рой мелких-дронов»), радиоэлектронных, кибернетических, информационно-психологических и т.д.

Иначе говоря, венчурный поиск эффективных способов реализации (мета)политической агрессии (т.е. выходящей за рамки конвенциональной политики).

Постсовременные конфликты софистицированы – они имеют комплексную природу: противник может не объявлять прямо о собственно военных интенциях, интегрируя в многообразных комбинациях не только широкий спектр средств, но и достаточно разнородные цели различных субъектов прямого и косвенного действия.

Господство реализует себя в возможности управления: общий контроль над ситуацией и «культурная оккупация» замещают оккупацию территорий.

11. Пропорция уровня развития

Гибридная война – амортизатор использования собственных средств и регулярных вооруженных сил в полном объеме возможностей. Но этот тезис двусмыслен, реализация – асимметрична: многое зависит от достигнутого государством уровня сложности, финансовой и когнитивной мускулатуры.

Иначе говоря, у каждой цивилизационной страты своя формула и навигация гибридной войны: ценности и возможности более высокого регистра находятся вне компетенции более низкого. Собственно говоря, мы имеем две формулы гибридной войны.

- ✓ Гибридная война распыляет и сдерживает силы противника, зажатого низким уровнем экономического и технологического развития, узостью интеллектуального кругозора, рамками доступного контекста, внешних и внутренних рестрикций, затрудняет свободу действия, снижая эффект от применения собственно военных сил и средств.
- ✓ Обилие же конвенциональных средств – экономических, финансовых, информационных, доступных развитому организму, позволяет достигать критические цели иными способами, нежели традиционные формы использования войск или прямая угроза их применения.

12. Новый статус гражданских лиц

Массированное участие гражданских лиц в новом типе военных действий создает сложные ситуации (е.g. статус средств информации, в целом, и военных корреспондентов, в частности + дистанционные комбатанты).

XXV Экономический форум (2015)

8-10 сентября 2015 г. Крыница-Здруй

На протяжении 20 с лишним лет Экономический форум в Крынице является крупнейшей и важнейшей встречей лидеров политики и бизнеса в Центральной и Восточной Европе. Тем самым можно сказать, что Форум не только содействует системным трансформациям в регионе, но одновременно принимает в них непосредственное участие, формирует их. Его миссией является создание благоприятного климата для развития политического и экономического сотрудничества в Европе.

Анонс дебатов XXV Экономического форума

Одним из спикеров будет российский ученый Александр Неклесса (Alexander Neklessa), председатель Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации, член бюро Научного совета История мировой культуры» при Президиуме Российской Академии наук (РАН), заведующий Лабораторией геоэкономических исследований (Лаборатория «Север-Юг») ИАФРАН (Отделение глобальных проблем и международных отношений РАН).

Moderator:

- Pawel Lisicki, Editor-in-Chief, Do Rzeczy Weekly, Poland

Panelists:

- Dariusz Kozerawski, Rector, Commandant, National Defence University, Poland
- Alexander Neklessa, Director, Laboratory North-South, IAS RAS, Russia
- Hanne Severinsen, Project Manager, Former Danish MP, The Danish Helsinki Committee for Human Rights, Denmark
- Reuben Johnson, Correspondent, The Weekly Standard, USA
- Yevhen Magda, Executive Director, Center of Social Relations, Ukraine
- Viacheslav Potapenko, Chief Adviser, Institute for Strategic Studies "New Ukraine", Ukraine
- Michal Mlynar, Chair of the ISSAT Governing Board, Geneva Centre for the Democratic Control of Armed Forces, Slovakia

Гибридная война. Облик конфликтов XXI столетия

У военной хитрости и войны общая история. По-видимому, военная хитрость как атавистическая особенность человека старше войны. Военная хитрость – противоположность правилам, однако возражения против уловок благоприятствуют формированию свода законов, в том числе – законов войны. Генезис орудий борьбы от камня до нейтронной бомбы сопровождается появлением соответствующих средств диверсии и камуфляжа, от дарованных природой до идей философов. Вдохновением богини Афины Илионской был создан «тroyанский конь», который изменил ход войны и вошел в ее арсенал, в том числе войны современной, дистанционной и кибернетической. Гением Шекспира рождено видение Бирнамского леса, двинувшегося на Дунсинан, замок Макбета, а картина зеленых «вежливых людей» в Крыму – иллюстрация современной коллизии.

Возможен ли единый, уверенный ответ на вопрос, в чем же сходство или различие воинов Малкольма и солдат 76-й гвардейской десантно-штурмовой Черниговской Краснознамённой,

ордена Суворова дивизии? Это вопрос об иерархии целей и ценностей, которые сплачивают и разделяют людей, вечный вопрос о добре и зле, преступлении и наказании, агрессоре и жертве. «Культура, пытаясь прояснить гармонию и взнуздать хаос, способствует рефлексии и нормотворчеству, облегчающим экзистенцию. Война обнажает этот трагизм, погружая в серьезность, риск и ответственность». Вопрос: на чьей ты стороне? Хитрость зарождается в уме, но ведь и свод законов – тоже. «Диверсанты, переодетые в гражданскую одежду, считались

отбросами войны, преступившими ее суровые законы, провоцируя к тому же репрессии против населения; их предавали позорной казни». Очередная военная хитрость деформирует архитектуру права, подрывая мир, искажает жизнь, но жертвы и разруха вынуждают заново отстраивать эту архитектуру, в конструкциях которой хитрость можно счесть новой нормой. И следующая война будет уже законно применять клеймившиеся ранее инструменты. Так образуется замкнутый круг. Чего? Прогресса ли, как иногда говорят? «Следует ли считать этот процесс инновационным прорывом, технологической модернизацией или же отливом и отчаяньем цивилизации»?

«Характер войны меняется в зависимости от уровня социального развития, типа политической организации, технических возможностей». Понятие «гибридная война» стало известным и даже модным в связи с присоединением Крыма к России и войной на Донбассе. Дискуссия на тему «Гибридная. Лица войны XXI столетия» состоится в ходе Экономического форума в г. Крыница-Здруй (Польша, 8-10 сентября 2015 г.). Одним из спикеров будет российский ученый **Александр Неклесса** (Alexander Neklessa), председатель Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации, член бюро Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме Российской Академии наук (РАН), заведующий Лабораторией геоэкономических исследований (Лаборатория «Север-Юг») ИАФРАН (Отделение глобальных проблем и международных отношений РАН).

Профессор Александр Неклесса – автор прилагаемой работы «Гадкие лебеди. О гибридной войне, сложном мире и черных лебедях над Донбассом».

PERSONALIA

Александр Неклесса (Alexander Neklessa). Председатель Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации, член бюро Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме Российской Академии наук (РАН). Заведующий Лабораторией геоэкономических исследований (Лаборатория «Север-Юг») ИАФР РАН (Отделение глобальных проблем и международных отношений РАН).

Действительный член Русского исторического общества, Философско-экономического ученого собрания МГУ им. М.В. Ломоносова, а также российских отделений Международной лиги стратегического управления, оценки и учета (ILSMAA), Всемирной федерации исследований будущего (WFSF), член Международного редакционного совета (от России) журнала «Philosophical alternatives» («Философские альтернативы») Болгарской академии наук, Экспертного совета журнала «Экономические стратегии», редколлегии журнала «Актуальные проблемы экономики и права».

Со-руководитель семинара «Цивилизационные альтернативы мирового развития» (Научный Совет «История мировой культуры» при Президиуме РАН, Центр цивилизационных и региональных исследований ИАФР РАН, Лаборатория «Север – Юг»). Член Совета Школы эффективных коммуникаций «Репное».

Ранее возглавлял Синергетическую лабораторию НПО «СИНЛА» (АЦМИ), работал главным специалистом МВЭС РФ, управляющим Службы стратегического анализа МАПО «МИГ», экспертом-консультантом Директората стратегического планирования ВПК МАПО, научным руководителем Департамента стратегического развития ОАО «ГАО ВВЦ» и членом Комитета по стратегическому развитию при Совете директоров ОАО «ГАО ВВЦ», заместителем генерального директора Института экономических стратегий при Отделении общественных наук РАН, являлся членом аналитической группы Совета обороны РФ.

Руководил Московским интеллектуальным клубом «Красная площадь», теоретическим семинаром «Глобальное сообщество» (Научный Совет «История мировой культуры» при Президиуме РАН), междисциплинарным семинаром «ΣΥΝΕΡΓΙΑ» (Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования при ООН РАН).

Вел авторскую аналитическую программу «Будущее»/FINAM FM (диплом Международной академии исследования будущего, 2009; лауреат Всероссийской премии в области общественно-политической проблематики «Власть №4»/номинация «Лучший текст о будущем», 2011).

Автор приблизительно 700 публикаций по вопросам международных отношений, политологии, экономики, истории. Научный руководитель/автор проектов СИНЛА/Глобальная трансформация (1984-1989), КАСКАД (1987), ЭКОЛАР (1988), ГЕОКОН (1991-1997), ГЛОБАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО (1997-2003), КАМЕЛОТ/СОФИЯ (2003-2012), КП (2005-2006), СИНЕРГИЯ (2007-2010), ВВЦ-2/Парк Россия (2009-2010), ФЕНИКС-К (2010), БОЛЬШАЯ ВОЛХОНКА (2011), РУССКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ (2010-2012), ЛИК/Пайдейя (2010-2015), ИНТЕЛРОС (2003-2015).

Основные направления исследований: международные системы управления и тенденции глобального развития; стратегический анализ и планирование; геоэкономика; философия истории.